

СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

Глава 1

Солнце, бесконечно долго висевшее над самым горизонтом, наконец стало подниматься. Старый Ясавэй улыбнулся солнцу, как доброму другу, и откинул на спину капюшон. Свежий морской ветерок стал трепать его седые волосы. Руки еще были сильны, глаза зорки, а ноги неутомимы. Ясавэй был одним из самых удачливых охотников, не зря его имя означало — знаток местности. Солнце не успеет подняться, как охотник доберется до острова Долгуш. Там лежище тюленей, или зайцев¹, как называют этих животных местные.

Хорошая добыча. Старик привычно греб, размышляя о жизни, о природе, об охоте. Тюлень — это ремни. У лахтака толстая кожа, с крупного самца, если снимать кожу полосой в два пальца по спирали, можно получить ремень длиной в десять метров. А еще мясо и жир. Жир помогает

¹ Морской заяц, или лахтак. Поморы и местные охотники называют его просто «заяц», а обычных зайцев зовут «ушканы».

женщинам выделывать хорошую, прочную замшу. Два внука, незаменимые помощники Ясавэя, уже уехали с побережья, увозя на нартах четыре разделанных туши. Завтра они вернуться на берег и будут ждать деда с новой добычей. А добыча будет, хорошая добыча. Охотник знает, как подобраться к лежбищу тюленей, не спугнув животных. Нужно встать ближе к воде, чтобы испуганные тюлени бросились к воде и как можно дольше были на прицеле Ясавэя. Тогда он сможет сделать четыре или пять выстрелов.

Охотник причалил к берегу там, где было мало больших камней. Надежно привязав лодку, он вытащил на берег все свое имущество — воду, запас еды. Спички, трубку и кисет с табаком положил сверху. Курить нельзя, с собой брать нельзя. Зайцы сразу почувствуют запах табака и дыма и бросятся в воду. Они знают, что от человека может исходить такой запах, а человек для них враг. И пройти по берегу до лежбища придется километра два или три. «Ничего, — подумал старик, — вернусь с добычей, сяду на берегу, буду отдыхать, курить трубку, смотреть на солнце и благодарить его за свет и тепло. И море буду благодарить за добычу, и буду разговаривать с душами убитых животных, благодарить их, что не дают умереть от голода «настоящим людям»¹. Все живет и все

¹ Ненец, или ненэй, ненэч — буквально переводится как «настоящий человек».

умирает, чтобы жить дальше. Все просто в этом мире, спокойно и размеренно». Так думал старый охотник, так же думали его предки, веками жившие в этих местах. Потому и жили в мире с природой и друг с другом.

Тревога внутри появилась сразу. Ясавэй сначала почувствовал тревогу, почувствовал близость чужаков и только потом уловил запах чужого тела, запах металла и одежды других людей, запах чужого, незнакомого табака. Охотник обернулся. Трое незнакомцев в странной одежде и с оружием смотрели на него. Они появились из-за камней, лежавших на берегу метрах в тридцати от него, и теперь смотрели холодно, пристально. И то, что у двоих висело на груди на ремнях, было оружием. Это старик понял сразу. Короткое ружье без приклада с длинной железной рукоятью снизу. Зачем такое оружие, как из него можно прицелиться и попасть в добычу с большого расстояния? «Неумное оружие, — подумал охотник и тут же отогнал от себя эти мысли. — Не о том надо думать, когда встречаешь в тундре или в море другого человека. Надо спросить, не нужна ли помощь, не попал ли человек в беду?» Но эти трое не выглядели попавшими в беду.

И тогда охотник медленно снял с плеча свой карабин и осторожно положил на тюк с вещами. Взяв кисет и трубку, он показал их незнакомцам.

— Курить хочешь, человек? — спросил Ясавэй. — Есть табак. Говорить будем!

Незнакомцы чему-то рассмеялись, переговариваясь, и старик подивился странному языку этих людей, которого ни разу в жизни не слышал. Резкий, какой-то лающий! «Люди-псы, — подумал он, но снова постарался прогнать плохие мысли о незнакомцах. — Надо думать хорошо!» Это была последняя мысль старика. Дальше он успел только удивиться, когда один из чужаков направил на него свое оружие, и оно выстрелило короткой очередью с сухим треском. Пули ударили старику в грудь, и его ноги подкосились. Незнакомец в морской фуражке с белым верхом подошел к охотнику и толкнул тело ногой.

— *Wirf es ins wasser*¹, — приказал он.

Мотор самолета гудел ровно и даже как-то убаюкивающе. Буторин смотрел на товарищей, как те сонно моргали глазами, пытаясь бороться со сном. Когда ты двое суток не спал, когда ты замерз как собака под дождем и на ветру на продуваемом аэродромном поле, когда ты застыл в ледяном фюзеляже транспортника, в котором практически отсутствовали теплоизоляция и отопление, то самое приятное, это достать из баулов специально выданное теплое белье и куртки. И когда группа наконец оделась по-северному, когда оперативники согрелись и стала пропадать мысль о вожделенных «наркомовских ста грам-

¹ Бросьте его в воду (*нем.*).

мах», глаза у всех стали слипаться. Лететь было еще часа три, и Шелестов велел всем спать час. Виктор нахмурился, глядя на северные скалы, проплывающие под крылом «дугласа». Сразу вспомнились скалы Норвегии, полярная ночь и взрыв, который похоронил под обвалом замечательную храбрую девушку, норвежскую партизанку по имени Мэрит. Нет, нельзя сейчас давать волю эмоциям, подумал Буторин, и отогнал воспоминания. Он прикрыл глаза и вдруг сразу провалился в глубокий сон.

А вот Шелестову не спалось. Он сидел, откинувшись на неудобную дюралевою спинку пассажирского кресла, и думал о предстоящей операции. Охват территории очень большой. Фактически группе предстоит искать иголку в стоге сена. Проводить армейскую поисковую операцию, снимать с боевых дежурств силы Северного флота или военную авиацию глупо, потому что они нужны на фронте, а доказательства того, что немецкие подлодки забираются в северные воды, лишь косвенные. Да, действовать в советских полярных водах гитлеровские субмарины активно не могут, потому что нет для этого технических возможностей. Им нужны базы для ремонта и дозаправки. Но если они создадут такие тайные замаскированные базы, тогда подлодки смогут атаковать конвои союзников и после прохода ими Норвегии и даже в Белом море. И ничто не сможет немцам помешать атаковать даже порты,

в том числе и Архангельский. И уж точно не сможет безопасно действовать Северный морской путь.

«Нет, я прав, — думал Максим, — я правильно решил. Нельзя распылять наши и без того мизерные силы, как предлагал Берия, нельзя бросать каждого члена группы одного на большие территории. Мы будем двигаться от Архангельска на восток группой, но охватывать и проверять большие районы. Тогда в критической ситуации, в случае опасности, мы сможем собраться вместе, я смогу помочь каждому, когда все будут в пределах хотя бы однодневной доступности. Транспорт нужен: самолет, вездеход, олени упряжки. Хотя самолет для поиска бесполезен — ни черта с него не увидишь среди скал. Самолет годится нам как транспортное средство только для высадки, но и это огромная помощь.

Тысячи километров полярных берегов. Кажется, что работа бессмысленная и пустая. Но так считать может лишь наивный человек. Да, четверым эта работа не под силу. Но искать надо не столько самим, сколько собирать у населения сведения. Десятки и сотни людей что-то видели, слышали, находили какие-то следы. Не самим эти следы надо искать, а опрашивать рыбаков, оленеводов, охотников, летчиков. А вот когда появятся конкретные сведения, тогда следует и осматривать местность в нужном месте. Нет, я прав, что настоял на своей стратегии поиска, —

с удовлетворением подумал Шелестов. — Не думал, что Лаврентия Павловича удастся убедить. Недооценивал я Берию».

Заместитель начальника окружного управления НКВД внешне чем-то напоминал бывшего наркома Ягоду. Такой же щуплый, невысокий, с быстрыми глазами и влажным ртом, который он постоянно облизывал. Было в нем что-то гаденькое, вызывающее брезгливость. Но приходилось стараться на это не обращать внимания. Самого начальника не было — его срочно вызвали в Москву. Да и по оценке Платова майор Бирюков был работником толковым, расторопным.

— Вам должны были сообщить о прибытии нашей группы, Аркадий Сергеевич. — Шелестов уселся в предложенное кресло напротив стола майора.

— Так точно, сообщили, — поспешно отозвался Бирюков. — И меры мы принимать уже начали. Я отдал приказание разослать телефонограммы и радиограммы уполномоченным на места. Как только появятся сведения о немцах, мне сразу сообщат.

— Важно, чтобы сообщали не только о немцах, не только об увиденных подводных лодках, — напомнил Шелестов. — Все сведения о непонятных происшествиях, о пропавших людях, о чужаках, о странных следах на побережье материка, на островах. Пусть ваши сотрудники

больше общаются с коренным населением: с оленеводами, охотниками, рыбаками. Ненцы могут и не понять, что это враг, они понятия не имеют о подводных лодках, но у них острый глаз, и они могут заметить такие следы, мимо которых мы с вами пройдем мимо. Вы понимаете меня, Аркадий Сергеевич?

— Да-да, — с готовностью закивал Бирюков и стал что-то записывать на листке бумаги. — Следы! И о следах сразу же сообщать мне сюда. А я, стало быть, сразу же вам сообщу.

— Разумеется, — сдерживая раздражение, согласился Шелестов. — Мы будем поддерживать связь с вашим Управлением. А вы не просто сообщайте нам, а ориентируйте ваших сотрудников на проверки всех странных фактов, всех подозрительных случаях и следах. Пусть сразу выезжают и проверяют на месте, опрашивают людей. Сколько ваших оперативников могут быть задействованы одновременно на территории от Архангельска до Новой Земли?

— В настоящий момент, — тоном рапортующего об успехах сотрудника начал говорить майор, — мы довели приказ до двадцати оперативников, находящихся на местах. До конца месяца нам удастся оповестить еще около двадцати человек, а к концу лета...

— Очень на вас надеюсь, Аркадий Сергеевич.

Шелестов поднялся, не дождавшись окончания бодрого рапорта Бирюкова. Разговаривать с

этим человеком было больше не о чем. Максим надеялся, что с возвращением из Москвы начальника Управления работа будет налажена, и сведения действительно будут поступать, и розыск пойдет своим чередом, как положено. Наверняка Платов проинструктирует начальника окружного управления лично.

«Видимо, рассчитывать все же придется только на себя, на свои силы, — подумал Шелестов, выходя из здания Управления. — Кто-то не в состоянии помочь, кто-то просто не сумеет, а кто-то будет делать вид, что помогает, что прикладывает усилия. Так ведь спокойнее, когда делаешь вид, что работаешь». Но Максим обязан был попытаться привлечь к заданию всех, кто хоть как-то мог помочь, у кого были силы и средства для этого. Увы, приказ из Москвы не всегда решал все и так, как надо.

О том, что на берегу пропал ненецкий охотник, Сосновский узнал возле продовольственного магазина. Здесь пылилась совхозная полоторка, чей-то мотоцикл с коляской и несколько оленьих упряжек.

— Море забрало, большая вода, — пояснил старик-ненец. — Тундра берет, тайга берет, море берет. Оно нам дает и взамен берет. Так всегда жил наш народ.

Но Михаила такое объяснение не удовлетворило. Он подсел к старому оленеводу, достал

пачку хорошего трубочного табака. Старик степенно кивнул, выбил трубку и стал набивать ее табаком, который предложил незнакомец. Соосновский знал туземные обычаи и, чтобы не тянуть в рот трубку старика, который ею его обязательно угостит и из которой он должен сделать несколько затяжек, достал другую и тоже набил табаком. Так они и сидели на нартах. Чтобы расспросить ненца о том происшествии, требовалось много времени. Михаил плотнее запахнул ватную фуфайку, поднял воротник и, усевшись удобнее, окунулся в долгий ритуал общения.

Они выкурили по две трубки, прежде чем стало ясно, что охотник добывал тюленей и что отправился на остров, где было их лежбище. Но назад он не вернулся, хотя внуки с упряжками его ждали на берегу весь день и еще один день. Лодка? Что представляют собой углые лодчонки ненцев, Михаил уже знал. Деревянный гнутый каркас, обтянутый тюленьей шкурой. Сильное волнение, острый камень под днищем. Да и разъяренный самец может накинуться и опрокинуть лодку в море. Охотники, конечно, народ опытный, но бывает всякое.

До стойбища было недалеко, всего каких-то километров двести. По масштабам заполярной тундры — это почти рядом. Пара сильных оленей бежала спокойно по ровной, как стол, тундре. Только далеко на северо-востоке в дымке поднимались какие-то горы или скалы. Хотя это

могла быть и именно дымка, своего рода мираж. Оленевод затынул бесконечную дорожную песню. Про такие песни говорят, «что вижу, о том и пою». Сосновский задремал, лежа на нартах. Потом он почувствовал, что замерзает. Как его научили ненцы, он соскочил с нарт и побежал следом. Через несколько минут ему стало жарко, и он снова упал боком на нарты рядом с оленеводом. Тот одобрительно заулыбался. Дольше бежать нельзя — вспотеешь. Потный, ты замерзнешь еще быстрее и заболешь. Русским нельзя в тундре болеть, умереть можно. Ненцы не болеют, они знают, как лечить и чем. Русскому лечение не поможет, а жителям тундры помогает. «Сказки, — думал Сосновский, слушая рассуждения оленевода. — Еще как умирают и в их среде. Только они это относят на счет воли духов, которые сами знают, когда и кого забрать».

Мальчишек было четверо. И, как смог определить Сосновский, все они в возрасте от восьми до двенадцати лет. И в таком возрасте они вполне самостоятельные помощники в своей семье и в стойбище. Их отпускают, зная, что дети справятся и с оленями, и с любой проблемой, которая может возникнуть в тундре вдали от дома, от взрослых. Рано здесь взрослеют, рано.

— Здесь мы ждали Ясавэя, — показал мальчик грязным пальцем на мелкий щебень, который слегка перекаtywала морская волна. — Лодку толкнули, и он поплыл к острову. А мы поехали

в стойбище отвозить мясо. На следующий день пришли и ждали его два дня. Он не вернулся.

— А взрослые на остров не пошли? — удивился Сосновский. — А вдруг с Ясавэем там беда случилась, вдруг ему помощь нужна? Он же старый, вдруг с сердцем плохо.

— Ясавэй сильный охотник, он никогда не устает и никогда не болеет, — с гордостью заявил другой мальчишка. — Он нас учит. Он наш учитель.

— Как будто учитель не может заболеть, — проворчал Михаил и повернулся к взрослым ненцам. — Лодка нужна! На остров надо идти, вашего старика искать!

Ответ Сосновского тоже удивил. Точнее, не сам ответ, а именно реакция. Ненцы переглянулись, будто не поняли этого настырного русского. Один из них, с короткой трубкой во рту, подошел к берегу, посмотрел на воду и тихо спросил:

— Зачем идти? Если Ясавэй утонул, умер там, на острове, то охота плохая. Нельзя зверя бить в том месте, где человек умер. Ясавэя вода забрала, иди не надо, нельзя противиться духам. Они сами знают, когда и кого забрать. Шаман у костра с духами разговаривал. Духи сказали, что в воде Ясавэй. Нет его на земле. Зачем идти?

— Вот что, друг, — Сосновский посмотрел в узкие добродушные глаза ненца и положил ему руку на плечо. — Я с вашими духами спорить не буду и не хочу, чтобы и вы с ними поссорились.

Но мой шаман мне сказал, что Ясавэя убили нехорошие люди. Может, он и в воде, может, его тело бросили в воду, но мне нужно обязательно понять, кто и как убил вашего охотника. Ясавэя не вернешь, но мы с тобой должны сделать так, чтобы никто из нехороших людей больше не убивал охотников и оленеводов. Надо найти, поймать нехороших людей. Тогда в тундре и в море снова будет не опасно. Понимаешь меня?

— Ты будешь стрелять в нехороших людей? — Ненец потрогал автомат «ППС», висевший на плече у русского.

— И ты будешь! — заверил его Михаил. — Это же нехорошие люди!

— В человека стрелять нельзя, — нравоучительно заметил ненец. — Песец можно, тюлень можно, а человек нельзя.

— Черт, нельзя, значит, не будешь, — начал злиться Сосновский. — Мне следы надо найти, мне надо, чтобы ты мне помог разобраться в следах. Понимаешь меня, охотник?

Михаил боялся, что лодку ему придется ждать несколько дней. Однако охотники вопрос решили довольно быстро. Не прошло и трех часов, как на берегу появились ненецкие нарты «хасава хан». В воздухе над рогами оленей замелькали длинные шести — хорей. Улыбающиеся оленеводы сняли и поставили на траву две легкие лодки из тюленьих шкур. Выяснив, кто из ненцев хорошо знает пролив между островом и материком и сам бывал

на Долгуше, Сосновский стал торопить своих новых друзей с отплытием.

Море было спокойным, а ненцы гребли умело и споро. Сосновский стоял на коленях во второй лодке и внимательно смотрел вокруг. Всплытие подводной лодки трудно не заметить, но если она всплыла только на перископную глубину, то можно и пройти мимо в нескольких сотнях метров от нее. Но Михаил не ждал появления немецкой субмарины. Его беспокоило то, что фашисты могут оказаться на острове, а две лодки сейчас очень уязвимы и беззащитны. «Может, я зря ринулся с этой проверкой? — подумал Сосновский. — Может, надо было ребят подождать и под серьезной охраной с солдатами обследовать остров? Нет, — снова успокоил он себя. — Так мы будем несколько лет здесь копошиться, если на каждый чих будем собирать войсковую операцию». Поправив на голове ушанку, он снова стал внимательно смотреть по сторонам и особенно на приближающийся каменистый остров, над которым кружили стаи северных чаек.

— Там пристать нужно, — показал ненец рукой в сторону берега, где было мало валунов, обломков скальной породы.

Вода тихо набегала на мелкое каменное крошево и откатывалась назад, Сосновский привстал в лодке и осмотрелся. Охотник снова замахал рукой, показывая куда-то вперед, и пояснил: